

Я. А. Ленцман

РЫНОК РАБОВ НА ДЕЛОСЕ

Экономическое значение Делоса неизмеримо выросло во второй половине II в. до н. э. в связи с объявлением острова свободным портом, и особенно после разрушения Коринфа и образования провинции Азии. Если в период независимости — до 166 года — вся хозяйственная жизнь Делоса вращалась вокруг общезллинской святыни Аполлона и делосский порт не играл почти никакой роли в транзитной торговле¹, то в последующее время, — фактически на пустом месте, так как почти все жители Делоса были изгнаны в 166 г. афинянами, — здесь вырастает крупнейший порт не только эллинского мира, но, можно сказать без преувеличения, порт мирового значения². Крохотный остров площадью всего лишь в пять квадратных километров, затерянный среди множества Кикладских островов, остров с неплодородной почвой, лишенный полезных ископаемых, неожиданно волей судеб превратился в крупнейший порт мирового значения.

Но достаточно было двух нападений: войск Митридата в 88 г. и пиратов в 69 г., чтобы звезда Делоса погасла столь же быстро, как загорелась. Период максимального расцвета делосской торговли охватывает всего лишь около полустолетия: от разрушения Коринфа в 146 г. до нападения Архелая в 88 г. Однако и в литературных и, особенно, в эпиграфических памятниках античности осталось большое количество свидетельств о бурном росте делосской торговли этого периода. Анализ торговли Делоса в указанное время представляет особый интерес, так как он дает возможность показать на конкретном материале своеобразие античной торговли, помогает определить ее характер в условиях рабовладельческого строя, когда уже «появилась возможность обмена продуктов между отдельными лицами и обществами»³.

Буржуазные историки, как правило, мыслят античное общество в тер-

¹ См. мою статью «О хлебной торговле Делоса в III—II вв. до н. э.», ВДИ, 1946, № 2, стр. 89—96.

² Вопросу об экономике Делоса этого времени посвящена обстоятельная работа Н. Н. Залесского, Римляне на острове Делосе, УЗЛГУ, СИН, вып. 15 (1947), стр. 134—168. Данный труд является завершением двух частных статей того же автора, которые в той или иной степени затрагивают проблемы хозяйственной жизни острова Аполлона («Вновь опубликованное постановление Делосского союза беритских «посейдонов», ВДИ, 1940, № 2 стр. 123—126 и «Делосские надписи», ВДИ, 1946, № 3, стр. 133—140). См. также мои статьи: «Дар Масписсы», ВДИ, 1948, № 4, стр. 55—64 и «К вопросу об источниках эллинистического пиратства», ВДИ, 1946, № 4, стр. 223 и 226.

³ «История ВКП(б). Краткий курс» стр. 119.

минах и категориях окружающей их капиталистической среды, что является одним из проявлений партийности буржуазной науки даже в произведениях ее наиболее «аполитичных» представителей. Поэтому они рассматривают античную торговлю, в том числе и делосскую, как торговлю капиталистическую, искажая притом до неузнаваемости ее действительный характер, не понимая того, что «самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в о б р а т н о м (разрядка моя. — Я. Л.) отношении к общему экономическому развитию общества» и что «Торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа, и недаром его развитие у торговых народов как древнего, так и нового времени непосредственно связано с насильственным грабежом, морским разбоем, похищением рабов, порабощением колоний; так было в Карфагене, в Риме, позднее у венецианцев, португальцев, голландцев и т. д.»¹.

О том, сколь далеко зашла в буржуазной историографии модернизация делосской торговли периода расцвета, лучше всего может свидетельствовать статья Омолля, инициатора и долголетнего руководителя раскопок на Делосе. «После того как римляне завоевывали какую-нибудь страну, они начинали ее эксплуатировать. Капиталисты прибывали вслед за генералами и устраивали в провинциях, в союзных городах или царствах свои банковские и торговые дома... Объединения откупщиков налогов, кредитные, коммерческие, транспортные общества, предприятия общественных работ, земледельческие или горные посылали своих агентов всюду, где были шансы на прибыль... Это, как правило, маленькие люди: рабы, вольноотпущенники или свободные. Они были комиссионерами, служащими компаний. Но эти маленькие люди имеют за собой богатство и политическое могущество капиталистов, значит, самого Рима»².

На этой выдержке, пожалуй, не стоило бы останавливаться — она явно навеяна Омоллю не данными делосских источников, в которых нет ни одного слова о капиталистах, об их агентах или о каких-либо акционерных компаниях, а практикой французских капиталистов XIX в. в Алжире, Марокко или Тунисе, — если бы не то, что все последующие исследователи Делоса фактически только развивали эти положения Омолля. Это делает и Цибарт, который постоянно говорит о делосских банкирах, *agio*, *al pari*, *векселях*, *экспедиторах*³ и т. д. Ему же следует и Дюррбак, который тоже часто употребляет такие термины, как: аккредитировать, банковские организации, финансовые посредники⁴. Причем это далеко не случайные обмолвки и не только привнесенная извне фразеология. Сколь далеко она заводит одного из наиболее авторитетных французских ученых, свидетельствует тот факт, что Дюррбак совершенно серьезно заявляет, что Делос в начале II в. до н. э. стремился вести «политику мира, военного равновесия и свободы торговли» (Choix, стр. 82). Эта курьезная формулировка могла возникнуть у Дюррбака не в результате изучения источников — о каком военном равновесии мог думать Делос, островок поверхностью в 5 кв. км, не располагающий ни одной триерой! — а под впечатлением всевластия финансового капитала в империалистической Франции.

Быть может, и не стоило бы столь подробно цитировать модернизаторские измышления буржуазных ученых, занимающихся экономической

¹ К. Маркс, Капитал, т. III, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIX, ч. 1, стр. 355 и 359.

² Th. Homolle, Les Romains à Délos, BCH, VIII, стр. 75—76.

³ E. Ziebarth, Beiträge zur Geschichte des Seeraubs und Seehandels im alten Griechenland, 1929, стр. 87 сл., 96.

⁴ F. Durrbach, Choix d'inscriptions de Délos, 1921—23, стр. 87 сл. (в дальнейшем цитирую: Choix).

историей Делоса, если бы не то, что их положения иногда проникают, к сожалению, и в советскую историографию¹.

В буржуазной литературе не только чрезвычайно преувеличивается объем торговли и политическая роль купеческого капитала в древности, а также строятся гипотезы о больших масштабах делосской торговли чуть ли не со времен Гомера, но и отрицается специфический характер античной и, в частности, делосской торговли. Между тем, именно на примере Делоса, торговля которого достигла апогея на грани II и I вв. до н. э., сравнительно легко проследить своеобразие античной торговли.

Речь, конечно, идет не о возвращении к теории ойкосного хозяйства и к отрицанию торговли в античности, как это делают сторонники Бюхера — Газебрэка. Теории этих буржуазных ученых столь же далеки от истины, как и утверждения модернизаторов. Факта существования античной торговли, иногда принимавшей значительные размеры, не может отрицать ни один марксист, ни один исследователь, который знакомился с источниками. Тем более неоспоримы крупные — в античных масштабах — размеры делосской торговли указанного периода.

Но надо твердо помнить о своеобразии античной торговли, о специфической роли торгового капитала в древности. Мы располагаем важными принципиальными указаниями основоположников марксизма-ленинизма по этому вопросу. Специфика античной торговли неоднократно правильно освещалась в советской литературе².

¹ Ср. Н. Н. Залесский, Римляне на острове Делосе. Исходя из вполне правильно поставленной задачи «показать специфичность римского денежного хозяйства и тем опровергнуть модернизаторские представления некоторых исследователей» (стр. 135), автор очень ярко показал одну специфическую сторону деятельности италиков на Делосе — ростовщичество, которое было одним из основных их занятий на острове Аполлона. Однако совершенно недоказанным осталось второе краеугольное положение Н. Н. Залесского о том, что «Секрет влияния делосских италиков, их успехов заключается в том, что за ними стоят экономический вес и политическое могущество римского капитала, пославшего их на Делос» (стр. 161). Это положение не находит ни одного подтверждения в текстах, но зато постоянно высказывается буржуазными историками, оголдевшими античную торговлю и ее социальное значение с торговлей эпохи капитализма. Между тем весь исключительно богатый фактический материал делосских надписей свидетельствует о том, что под *Romaiot*, проживающими на Делосе, следует понимать не влиятельных *cives Romani*, а именно италиков, которые вели здесь посредническую торговлю рабами и предметами роскоши. У нас нет никаких данных, которые свидетельствовали бы об юридических или фактических преимуществах италиков на Делосе по сравнению с проживающими здесь восточными торговцами, или же об интервенции римских магистратов в их пользу. Тот факт, что римский сенат по жалобе Деметрия, жреца Сараписа на Делосе, принимает решение по этому вопросу, не может свидетельствовать о «политической значимости... колонии италиков, т. е. в конечном счете римлян» (стр. 160) на Делосе.

Зато Н. Н. Залесский вполне правильно подчеркивает значение делосской работорговли как специфической черты «меркантилизма» рабовладельческого общества (стр. 158 сл.). Возражение вызывает только сам термин «меркантилизм» в применении к античности. Особенно неприменим этот термин к римскому государству, которое, как известно, постоянно имело пассивный торговый баланс. Вообще говоря, античный меркантилизм — это *contradictio in adiecto*, так как показательным для античной торговли является ее грабительский характер. Да и сам Рим добывал деньги прежде всего силой оружия, а не торговлей. Обстановку, в которой велась античная торговля, прекрасно характеризуют слова Маркса: «Города Малой Азии платили древнему Риму ежегодную дань. На вырученные деньги Рим покупал у них товары, и покупал по вздутым ценам. Малоазийцы надували римлян, выманивая у своих завоевателей путем торговли часть уплаченной ими дани. И все же в накладе оставались малоазийцы. За их товары им по всяком случае платили их же собственными деньгами» (К. Маркс, Капитал, т. I; К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 180). О каком «меркантилизме» можно говорить в такой обстановке!

² См., например, А. В. Минудик, О восточном рынке в античной общественной формации, 1932, ИГАНМК, т. XIII вып. VIII, и обшче курсы В. С. Сергеева, Н. А. Машкина, С. И. Ковалева.

В интересах правильного методологического подхода необходимо прежде всего осознать, что в условиях античности торговля играла второстепенную роль не только в сравнении с капитализмом, но даже и в сравнении с феодальной эпохой. Ленин в лекции «О государстве» отмечает, что «крепостное общество всегда было более сложным, чем общество рабовладельческое. В нем был большой элемент развития торговли, промышленности, что вело еще в то время к капитализму»¹. Кроме того, надо помнить, что при рабовладельческом способе производства «превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчиненную роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашел упадок общинного уклада жизни. Народы торговые в собственном смысле этого слова существуют, как боги Эпикура, лишь в междумировых пространствах древнего мира или — как евреи в порых польского общества»². Анализируя античную торговлю, необходимо всегда помнить об ее специфике, об ее непосредственной связи «с насильственным грабежом, морским разбоем, похищением рабов» (Маркс).

Настоящая статья представляет собой попытку проследить указанные Марксом черты античной торговли на примере Делоса в период его максимального расцвета. Так как в вышеуказанной статье Н. И. Залесского очень тщательно подобраны и в основном вполне правильно освещены все источники о деятельности италийцев и восточных купцов на Делосе, в частности об италийском ростовщичестве и о торговле предметами роскоши, я ограничусь в данной статье в основном анализом делосской работорговли и ее связи с пиратством и похищением рабов.

* * *

В литературных памятниках античности есть немало свидетельств о делосской торговле. Младший современник эпохи расцвета Делоса Цицерон (*pro lege Manilia*, 18), противопоставляя времена господства Рима на море угрозе нападений пиратов на территорию самой Италии, говорит о времени, *cum insula Delos tam procul a nobis in Aegeo mari posita, quo omnes undique cum mercibus atque oneribus commeabant, referta divitiis, parva, sine muro, nihil timebat*³.

Плиний Старший дважды, почти в одинаковых словах, характеризует делосскую торговлю: *mercatur celebrata Delos* (NH, IV, 22) и *mercatur in Delo concelebrante toto orbe* (NH, XXXIV, 9)⁴. С характеристиками Плиния и Цицерона перекликается и мнение Павсания о Делосе как *το κοινον Ἑλληνων ἐμπόριον* (VIII, 33,2).

Кое-что мы узнаем об экономике Делоса и из рассказа Аппиана о Митридатских войнах (*Mithr.*, 28). Он сообщает не только о кровавой расправе войск Архелая над делосскими италийцами, но дает некоторые сведения

¹ В. И. Ленин, Соч., XXIV (изд. 3-е), стр. 371.

² К. Маркс, Капитал, т. I, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 89.

³ В этой характеристике современника обращают на себя внимание прежде всего слова *omnes undique*. Действительно, согласно делосским надписям остров Аполлона на рубеже II и I вв. до н. э. был местом встречи торговцев не только всего Восточного Средиземноморья, но и столь отдаленных земель как Аравия, Иран и другие. Под термином *merch* подразумевались всякие товары, в том числе и рабы.

⁴ Очень ценны свидетельства Плиния (единственные в дошедшей до нас древней литературе) о занятиях жителей Делоса рыбной ловлей, птицеводством, обработкой металлов и изготовлением художественных изображений (NH, XXXII, 18; X, 139, XXXIV, 2—5; XXXIII, 144; XXXV 124).

и о составе населения Делоса в начале I в. до н. э.¹ Тысячи италиков, постоянно здесь проживавших, несомненно, в той или иной мере участвовали в торговле Востока с Италией.

Во всех этих неопровержимых свидетельствах античных авторов о громадной — мировой для этого времени (*toto orbe!*) — торговле Делоса мы все же не находим ответа на вопрос о том, каковы были объекты делосской торговли, чем торговал остров Аполлона, коль скоро он не располагал никакими природными богатствами. Ответ на этот основной вопрос мы находим у Страбона, единственного автора, дающего более подробные сведения как о причинах расцвета Делоса, так и — что особенно важно — об объектах его торговли. Страбон (X, 5, 4) свидетельствует, что: «ставший таким образом известным Делос еще более вырос (*ἤρθη*)² вследствие разрушения римлянами Коринфа³. Сюда переселились торговцы (*ἔμποροι*), привлекаемые и свободой священного острова от пошлин и удобством гавани; последняя прекрасно расположена для плывущих из Италии и Эллады в Азию... Афиняне же, захватив остров, хорошо заботились одновременно о делах культа и торговли».

В этом свидетельстве Страбона важно прежде всего указание времени расцвета Делоса. Отправной точкой он считает разрушение Коринфа. Характерно, что и в другом месте Страбон тоже указывает на тот же 146 г.: «Причина этого в том обстоятельстве, что по разрушении Карфагена и Коринфа римляне стали очень богаты» (XIV, 5, 2). Во-вторых, Страбоном указаны и причины перехода торговцев на Делос: а) свобода от пошлин; пенекоста — гаванный сбор на предметы торговли, — составляла по крайней мере 4% от стоимости транзитных товаров. Кроме того, несомненно были еще и другие сборы⁴; б) выгодное географическое положение острова

¹ Не следует только считать всех вырезанных Архелаем италиков постоянными жителями Делоса. Прежде всего Аппиан говорит о 20 000 италиков не только на Делосе, но и на островах («Делос, отпавший от Афин, и другие местности») по крайней мере всего Кикладского архипелага; во-вторых, в период войны италики, которых ненавидело жестоко эксплуатируемое ими местное население, несомненно стремились скрыться в таких местах, где им предоставлялась хотя бы некоторая безопасность. Остров Аполлона, который уже свыше четырех столетий, со времени греко-персидских войн, не подвергался никаким нападением, должен был казаться им вполне надежным пристанищем в то время, как войска Митридата захватили не только всю Малую Азию, но вторглись и в Грецию.

² В основном следую переводу Ф. Г. Мищенко, География Страбона, М., 1879. В случаях отклонения от его перевода в скобках дается греческий текст.

³ Маленькой иллюстрацией того, как ставятся на-голову исторические факты в произведениях буржуазных модернизаторов, может служить интерпретация данного места Страбона у Омолля. Как мы видим, Страбон ясно заявляет, что причиной расцвета Делоса было разрушение Коринфа (*Τὴν μὲν οὖν Ἀῆλον... ἤρθησε κατασκαφείσα ὑπὸ Ῥωμαίων Κόρινθος*). Интерпретируя это место, Омолля (ук. соч., стр. 97) пишет: «Разрушение Коринфа, которое г. Моммзен приписывает рекламациям римских негодяев, не желавших его конкуренции, дает пробу силы торговых домов, учрежденных в Греции и прежде всего на Делосе. Эта сила является лучшим доказательством их процветания и богатства». Итак, Моммзен «подправил» Страбона, приписав разрушение Коринфа влиянию римских торговцев. Омолля «уточняет» поправку Моммзена, говоря уже не просто о торговцах, а о целых «торговых домах» на Делосе в период, предшествующий разрушению Коринфа. Это явно противоречащее тексту Страбона предположение Омолля служит ему доказательством процветания делосских «акционерных обществ». Самые интересные во всем этом искажении источники — это то, что именно на таких «объективных» структурах мыльные пузыри модернизаторских концепций об истинности античности. Прелесть этих перекодов без слова критики из одного труда в другой, антинаучная деятельность вследствие частого повторения.

⁴ См. например, в отношении древности и углем. ВДН, 1946, № 2, стр. 95 сл. Во многих греческих источниках работниками облагались специальными налогами. Так, например, в одной из древних записей VI в. до н. э. (SIG³, 464) упоминается *ἄρξτροδωμική* — налог на покупку рабов. Эта статья доходов была столь велика, что данная надпись дарует свободу от всех налогов за исключением пошлины на покупку рабов, лошадей

на пути в Азию из Италии и Эллады. Это положение Страбона о значении Делоса как промежуточной станции на магистрали Италия — Азия также, косвенным путем, подтверждает, что расцвет делосской торговли не мог иметь места раньше середины II в. до н. э. Наконец, Страбон отмечает как положительный фактор в расцвете Делоса и соответствующую политику афинян, заботившихся о развитии торговли и порта.

Еще более важно упомянутое уже второе место у Страбона, где речь идет непосредственно о главном объекте делосской торговли — рабах. Рассказывая о Киликии, Страбон останавливается на деятельности киликийских пиратов: «Первый киликийский пункт — укрепление Коракесий, расположенное на отвесной скале. Укреплением этим пользовался для военных операций Диодот, прозванный Трифоном; в то время он поднял против царей Сирию и воевал с ними с переменным счастьем. Антиох, сын Деметрия, запер его в крепости и заставил лишиться себя жизни. Он же первый привел киликийцев к образованию союза пиратов... Вывоз рабов, доставлявший очень большие выгоды, чаще всего давал повод к насилиям; действительно, рабы ловились легко, а обширный богатый рынок для сбыта их находился недалеко отсюда, на Делосе, который мог в тот же день (*αὐθιμέρον*) и принять и отослать массы (*μυριάδας*, быть может, «десятки тысяч») рабов, так что в связи с этим сложилась поговорка: «Купец, приставай, выгружай, все продано». Причина этого в том обстоятельстве, что по разрушении Карфагена и Коринфа, римляне, разбогатев (*πλοῦσιοι γενομένοι*), стали пользоваться многочисленными рабами. Ввиду такой легкости сбыта пираты нападали толпами; сами они (*αὐτοί*) и производили разбой и продавали рабов. Такие злодеяния поощрялись кипрскими и египетскими царями, состоявшими во вражде с сирийцами... С другой стороны, пираты, выдавая себя за работорговцев (*πρὸς ποιοῦμενοι σμυτταμπορεῖν*), совершали чрезвычайные преступления» (Strabo, XIV, 5, 2).

Указанный отрывок является, насколько мне известно, единственным литературным текстом, четко и определенно говорящим о громадном делосском рынке рабов. Как бы мы ни переводили *μυριάδας* — как «десятки тысяч» или «массы» — общий смысл отрывка не меняется. Ведь Страбон не утверждает, что на Делосе ежедневно продавались десятки тысяч рабов, а говорит только о возможности (*δυναμῆν*) производить работорговлю в таких размерах. Во всяком случае слова Страбона неопровержимо свидетельствуют о том, что Делос превратился в крупнейший центр работорговли. Отметим здесь еще раз, что расцвет делосской работорговли приурочивается Страбоном ко времени после разрушения Карфагена и Коринфа. Об этом же, а быть может, и немного более позднем времени свидетельствует начало процитированного отрывка. Упомянутый Диодот — Трифон действовал, согласно Ростовцеву, около 143 г. до н. э. (SENHW, II, стр. 784). Сирийские цари — вне всякого сомнения, Деметрий II Никатор (145—139/8 гг.) и Антиох VI Эпифан (145—142/1 гг.). Антиох, сын Деметрия — это Антиох VII Сидет, царствовавший со 139 г. Борьбу против Трифона Антиох Сидет закончил в первом году своего царствования. Таким образом, и здесь Страбон отмечает как переломное время в истории делосской торговли конец сороковых годов II в. до н. э.

Определение времени начала расцвета делосской транзитной торговли имеет большое значение. Дата, указываемая, как мы видели, источниками — середина II в. до н. э. — показывает, что причины этого расцвета надо искать не в развитии делосской транзитной торговли хлебом, якобы

и трех других видов сборов. О налоге на покупку двух категорий рабов (работающих в виноградниках — *ἀπτελοσκατεῦοντες* и женщин) упоминает также надпись из Коса REG. IV, 1891, стр. 356 сл.).

имевшей место в эллинистический период, а только в появлении на Востоке нового экономического фактора — Италии — и в разрушении Коринфа¹. Коль скоро делосская торговля начинает развиваться только после 146 года, становится вполне ясным, что провозглашение в 167/6 году *porto franco* на Делосе вовсе не было результатом влияния римских торговых домов, существовавших в Элладе и на Делосе, на решение римского сената. Это решение римского сената было вызвано желанием нанести удар Родосу, пытавшемуся играть более или менее самостоятельную роль во время Персеевой войны.

Основными объектами делосской торговли конца II в. до н. э. должны были стать те товары, в которых нуждалось растущее латифундиальное хозяйство Италии — прежде всего рабы. Весьма показательным, что вышецитированный отрывок о делосской работорговле включен Страбоном в рассказ о киликийских пиратах. Здесь на примере Киликии мы можем наглядно проследить, как античная торговля переплеталась с «насильственным грабежом, морским разбоем, похищением рабов». Начнем с того, что вообще было очень трудно показать, где кончался стоящий вне закона пират и где начинался «честный» работорговец. Недаром Страбон говорит о том, что пираты выдавали себя за работорговцев и, следовательно, лично продавали свою добычу на Делосе. В другом месте, — в описании Ликии, — Страбон возвращается к обычаям киликийских пиратов и вновь подчеркивает не только их тесную связь с работорговлей, но и то, что сами пираты лично продавали свою живую добычу, открыто отмечая тот факт, что в рабство продаются их пленники, жертвы пиратских набегов² (Strabo, XIV, 3. 2).

¹ Мои утверждения об отсутствии непосредственных торговых связей между Делосом и Нумидией (см. мою статью «Дар Масиниссы») было подвергнуто сомнению проф. Н. А. Машкиным в статье «Последний век пунического Карфагена», ВДИ, 1949, № 2, стр. 50, прим. 1. Н. А. Машкин указывает, что доводы Я. А. Ленцмана не разрешают вопроса: «откуда, как не от торговли хлебом, могли взяться у Масиниссы значительные суммы денег». Дальше Н. А. Машкин продолжает: «у него (Масиниссы) оставались громадные запасы, которые несомненно и отправлялись им в те районы, нуждавшиеся в хлебе, а это был бассейн Эгейского моря». В третьих, — римляне платили за хлеб по определенным ценам, которые... не могли бы определиться, если бы Масинисса все производил для «собственного потребления». Прежде всего, я нигде не пишу, что Масинисса производил весь хлеб для «собственного потребления». О наличии излишков хлеба и снабжении ими римлян говорю и я в «Даре Масиниссы» (стр. 57). Кроме того, я указал, что ввиду отсутствия источников я обращаю «основное внимание на значение нумидийского дара не для торговли самой Нумидии, а для хлебной торговли Делоса» (там же). Следовательно, изыскание о том, «откуда брались у Масиниссы значительные суммы денег», никак не входило в задачи моей статьи. Что же касается вопроса о том, куда Масинисса продавал свои хлебные излишки, то, — думается, — ближайшим потребителем был Карфаген, а затем, вероятно, и Рим. Для того чтобы утверждать, что Масинисса «несомненно» вел широкую торговлю хлебом в Эгейском бассейне, требуются факты. *Opus probandi* остается за моим оппонентом. Что касается дара Масиниссы Делосу, следует еще раз подчеркнуть: 1) что он был бесплатным; 2) делосцы продавали его на 50% ниже рыночных цен на самом Делосе. Строить на такой шаткой основе утверждения о широкой торговле Нумидии во всем Эгейском бассейне считаю неправильным.

² «Последние народы [памфилийцы и трахеотские киликийцы. — Я. Л.] пользовались особенностями своего местоположения для морских разбоев, или сами занимаясь ими, или доставляя пиратам рынок для продажи добычи... В Сице киликийцы... после объявления о том, продавали пленных, признавая тем, что они свободные люди (*αὐτὸ κτήμα τῆ ἐπόλων ἐχέει τοὺς ἀλόντας ἐλευθέρους ὁμολογούντες*). Смысл конца последней фразы не вполне ясен. Мищенко переводил «признавая их между тем свободными». Повидимому, речь идет об открытом признании факта продажи свободных людей в рабство. В комментарии к вышецитированному месту Страбона (*οἱ λήπται προσέτι τῶν κτημάτων*) Казаубон замечает: «эти пираты тем легче занимались своей пиратской деятельностью, что симулировали продажу только рабов. Но памфилийские пираты были намного более бесстыдными, так как они... открыто признавали, что продавали свободных людей».

Быть может, именно этой тесной связью между пиратством и работорговлей следует объяснить то странное, казалось бы, явление, что среди 3000 делосских надписей, в том числе почти тысячи текстов римского периода, мы не находим ни одного посвящения, упоминающего о работорговцах. В то время как несколько десятков надписей упоминают о трапедзитах, и мы в состоянии по различным текстам составлять даже генеалогические таблицы трапедзитов и представителей некоторых других «почетных» профессий, в эпиграфических текстах нигде нет речи о конкретных лицах, занимающихся работорговлей, несмотря на абсолютно точное свидетельство Страбона о значительной работорговле Делоса. Дело в том, что работорговля, несмотря на всю ее обыденность и повседневность в древности, являлась, вероятно, уже в то время несколько презируемым занятием вследствие связи ее с морским разбоем. Если бы не было неопровержимого рассказа Страбона, мы бы только косвенным путем могли составить себе представление о делосской работорговле. Между тем работорговля не только составляла одну из важнейших статей в хозяйственной жизни Делоса, но и являлась основой процветания острова Аполлона в интересующий нас период.

Общеизвестные процессы, происходившие в земледелии Италии во II и I вв. до н. э., — рост латифундий, вытеснение среднего и мелкого землевладения¹, переход к массовому использованию рабского труда в сельском хозяйстве², — привели к серьезным изменениям и в экономике стран эллинистического Востока, которые очутились под железной пятой Рима. Из всех стран Восточного Средиземноморья в Италию ежегодно направлялись тысячи рабов. Под эгидой римского владычества во всех этих странах шел интенсивный процесс развития рабовладельческих отношений, сопровождающийся обращением в рабство многих тысяч свободных людей. Каждый удачный поход римских полководцев вел за собой продажу в рабство военнопленных и жителей покоренных областей. 150 000 эпитров, проданных Луцием Эмилием Павлом после III Македонской войны, — яркая иллюстрация к системе римского господства на Востоке.

Все же сколь ни велики были военные успехи и сколь ни часты были карательные экспедиции против местного населения, этот источник добычи не мог удовлетворить постоянного спроса италийских латифундий. При ужасающей смертности рабов требовались организованные и, главное, постоянные поставки рабов в Италию. Владельцы латифундий всегда предпочитали использовать труд многочисленных рабов с Востока, более знакомых с античным земледелием. В период между разрушением Коринфа и войнами с Митридатом Рим, как известно, не вел крупных завоевательных войн на Востоке. Тем большую роль в это время должна была играть в поставке рабов в Италию работорговля и тесно с ней связанная активность пиратов.

Восточсредиземноморские пираты, прежде всего киликийцы и критяне, были важным звеном в поставке рабов в Италию. Римские публиканы, обращавшие в рабство население целых провинций — вспомним ответ Никомеда Вифинского сенату (D i o d., XXXVI, 3, 1) — и поэтому пользовавшиеся уважением и почетом, — и безызвестные малоазийские пира-

¹ Число римских граждан по цензу 189 г. составляло 258 тысяч человек; по цензу 164 г. — 337 тысяч, а по цензу 136 г. — 318 тысяч. Таким образом, за первые 25 лет число граждан, благодаря в основном естественному приросту населения, выросло на 79 тысяч, что составляет 30%. За последующие 28 лет количество граждан должно было бы возрасти по крайней мере еще на 30% — до 440 000; в действительности же оно упало почти на 20 000 по сравнению с предшествующим периодом. Учитывая отсутствие кровопролитных войн в это время, уменьшение числа граждан можно объяснить только ростом латифундий и крупного рабовладения (ср. САН, VIII, стр. 343 сл.)

² Н. А. М а ш к и н, История древнего Рима, М., 1947, стр. 184—188.

ты играли одну и ту же роль в хозяйственном организме римской республики — роль поставщиков рабов для латифундий Италии. Промежуточным звеном между Востоком и Италией был громадный делосский рынок, способный ежедневно принимать и отправлять огромное число рабов.

Выше уже говорилось о том, что среди нескольких тысяч делосских надписей мы не находим ни одного посвящения от имени работорговцев. Учитывая характер дошедших до нас текстов, — в основном это посвящения и надгробия, а для эллинистического периода в значительной степени отчеты храмовых настоятелей-гieroпоев, — казалось бы, что освещение вопросов делосской работорговли эпиграфическими текстами вообще является неразрешимой проблемой. Все же это не совсем так. Мы располагаем несколькими надписями, непосредственно свидетельствующими о рынке рабов и о рабовладении на Делосе. Кроме того, большое значение имеют и косвенные материалы.

Наиболее важным и одним из древнейших документов этого рода является постановление буле и демоса карийского города Феангелы в честь известного делосца Семоса, сына Космиада¹. Согласно этому постановлению, Семос получает звание проксена Феангелы за то, что он, узнав в выставленных на продажу нескольких, похищенных пиратами, рабских гражданок Феангелы, выкупил их и позаботился о них как о свободных людях, снабдил необходимым и отослал домой. К сожалению, лакуны в надписи не разрешают уточнить, сколько человек было выкуплено Семосом и за какую цену. Однако показателен сам факт, что постановление властей Феангелы было выставлено на Делосе. Данная надпись является наиболее древним свидетельством о наличии рынка рабов на Делосе.

В связи с вышеуказанным большой интерес представляет найденный на Делосе и относящийся к концу III в. текст проклятия похитителям рабов, который гласит: «Каждый, кто вывезет из Делоса раба, либо по его желанию, либо вопреки его воле, или из священных участков бога во вред хозяину, да будет проклят он сам и род и дом его» (IG, XI, 4, 1296a, стк. 2—8). Такое вырезанное на камне и представленное для всеобщего сведения официальное проклятие несомненно является показателем наличия большого числа рабов на Делосе. Думается, что речь идет здесь не только и даже не столько о рабах, так сказать, местных, постоянно работавших на Делосе, сколько о рабах, привезенных на делосский рынок для продажи. Несомненно также и то, что сам факт издания постановления и широкого оповещения о нем свидетельствует о происходивших более или менее частых случаях побега рабов. Слова εἴτε ἄκον εἴτε ἐκόν показывают, что имели место также и случаи увода рабов силой.

Вряд ли проклятия посылались по адресу только местных похитителей рабов. В период независимости власти Делоса прилагали все усилия для того, чтобы обеспечить остров против нападений пиратов. До нас дошло, в частности, несколько текстов, свидетельствующих о весьма предупредительном отношении делосской буле к племенам, занимающимся морским разбоем. В частности показательна надпись середины III в. до н. э. (Choix, 41), представляющая Делосу официальную гарантию безопасности — ἀσφάλεια — перед нападениями этолян. Одновременно делосская буле предоставляет звание проксена Букрису из Навпакта, дельфийскому геромамону, организатору морского набега на Аттику (Choix, 42). Быть может, этими же побуждениями были продиктованы почести, оказанные Делосом в начале II в. Набису (Choix, 58). Количество примеров, свидетельствующих о связях Делоса с пиратами, можно было бы без труда увеличить. Тесный контакт между пиратами и Делосом станет вполне

¹ IG, XI, 4, 1054a. Надпись датируется концом III в. до н. э.

понятным, если мы примем во внимание, что не только Делос нуждался в безопасности от набегов, но и морским разбойникам требовался постоянный рынок продажи захватываемых ими людей. Эти связи в начале II в. стали весьма тесными. Все же вряд ли следует преувеличивать объем работорговли эллинистического Делоса. Тексты свидетельствуют о том, что вплоть до объявления *porto franco* на Делосе уже существовал рынок рабов. Однако вряд ли его обороты были весьма значительны.

Основными предпосылками для расцвета делосской работорговли должны были стать: 1) значительное расширение рабовладения в Италии; 2) рост киликийского и частично критского пиратства, и, наконец, 3) появление многочисленных италиков и восточных торговцев на Делосе¹. Все эти факторы начали действовать со всей силой только во второй половине II в. до н. э. Притом надо принять во внимание, что делосская работорговля была не единственной, но основной отраслью торговли острова Аполлона. Необходимо также учитывать и то обстоятельство, что отношение Рима к восточным пиратам было двойственным. С одной стороны, морской разбой поставлял тысячи рабов латифундиям Италии, с другой же, он становился опасным, когда пираты грабили и похищали римских граждан или становились угрозой для самой Италии. Перелом в римской политике по этому вопросу — переход от поддержки пиратов к борьбе против их засилья — намечается лишь в самые последние годы II в. до н. э. Он отражен в дельфийской надписи SEG I, 161 (= III, 378), где требуется, «чтобы римские граждане и союзники латиняне из Италии... могли безопасно плыть по морю». В предшествующий период сами римляне создали все предпосылки для беспрепятственной деятельности пиратов на Востоке и тем самым содействовали расцвету делосской работорговли. В этом аспекте особый интерес представляют связи Делоса с киликийскими пиратами, которые, как мы видели выше, столь определенно засвидетельствовал Страбон.

Подъем киликийского пиратства во II в. до н. э. связан с двумя внешними факторами. Во-первых, после Апамейского мира Селевкиды были лишены права содержать военно-морской флот за исключением десяти судов. Кроме того, Антвох обязался «не иметь ни единого большего судна, как тридцативесельное, для войны наступательной; суда не должны выходить дальше мысов Каликадна и Сарпедонского» (P o l y b., XXI, 45, 14). Практически это означало, что сирийским военным судам возбранялся доступ в пролив между Суровой Киликией и Кипром — места, где наиболее свирепствовали пираты. Вряд ли этот пункт договора могли бы с большой выгодой для себя сформулировать сами киликийцы.

Кроме того, римляне ни в это, ни даже в значительно более позднее время не имели военного флота в малоазийских водах. Поэтому условиями Апамейского мира предоставлялась фактически полная свобода морскому разбою. Единственным сдерживающим фактором была здесь только сила родосского флота. Однако спустя 20 лет, разгромив Персея, Рим нанес сильный удар и Родосу, чем несомненно воспользовались киликийцы. Наконец, ослабление селевкидской державы и постоянные династические междоусобицы тоже создавали благоприятную обстановку для роста морских разбоев.

Суровая Киликия представляет собой гористую местность, простирающуюся от Писидии до Сол. Отроги Тавра здесь непосредственно спускаются к морю, создавая целый ряд совершенно неприступных ни с суши, ни с моря природных укреплений. «Местность эта, — по словам Страбона, — по самой

¹ Исчерпывающие данные по этому вопросу собраны в указанной статье Н. П. Залесского, Римляне на острове Делосе.

природе очень удобна для сухопутных и морских разбоев: для сухопутных, благодаря высоким горам и живущим за ними народам, обладающим большими равнинами и легкими для нападения полями; удобна для морских разбоев, благодаря обилию корабельного леса, множеству гаваней, укреплений и удобных убежищ» (XIV, 5, 6). Примером неприступного горного гнезда может служить вышеупомянутый Коракесий, находящийся на совершенно отвесной скале высотой в 200—300 м над уровнем моря и соединенный с берегом узким и низменным перешейком. Действительно, в Киликии были налицо все географические предпосылки для развития пиратства.

Однако решающими были, конечно, социально-экономические факторы. Именно во II в. до н. э. появился неисчерпаемый спрос на восточных рабов для нового властелина Средиземноморья — Рима. Процесс разложения родового строя, надолго затянувшийся у киликийцев, тоже создавал прекрасные предпосылки для расцвета пиратства¹. Вот эти два обстоятельства обусловили бурный рост морского разбоя киликийцев.

Делосская надпись IDD, 2305 представляет собой посвящение аскалонского гражданина Дамона, сына Деметрия, в благодарность за спасение от пиратов (σωθεὶς ἀπὸ πειρατῶν). Надпись датируется по шрифту началом I в. до н. э. Дамон был, повидимому, одним из сирийских торговцев, ведших дела на Делосе.

Способы нападения киликийских пиратов были, повидимому, те же, что их товарищей по профессии — «корикайцев». Рассеявшись по гаваням, они подходили к высадившимся купцам с расспросами о том, что они везли и куда плыли, после чего они сходились вместе, нападали на отплывающих и грабили их (S t r a b o, XIV, 1, 32). Дело дошло до того, что римляне, несмотря на то, что они обращали мало внимания на земли по ту сторону Тавра, — послали туда для расследования Сципиона Эмилиана.

Киликийские пираты пользовались в качестве рынка для работорговли не только Делосом, но еще более свободно ближерасположенным городком Сиды в Памфилии. Здесь они содержали корабельную верфь и через глаштата (ἀπὸ κήρυκα, S t r a b o, XIV, 3, 2) продавали своих пленных, открыто признавая, что те являются жертвами их пиратских нападений. Это свидетельствует о полной безопасности для пиратов. О богатствах, накопленных киликийскими пиратами, ярко свидетельствует описание Плутарха: «В Киликии положили начало своему могуществу пираты... Они пошли дальше и стали нападать не только на корабли, но и грабить острова и приморские города... Римских магистратов захватывали в плен, завоеванные города платили дань... Их могущество распространялось все более и более над всем Средиземным морем, вследствие чего прекратилась всякая торговля. Море сделалось невозможным, недоступным для плавания» (P l u t., Romp., 24).

Таковы были главные поставщики рабов на делосский рынок. Понятно, трудно ожидать найти среди делосских текстов посвящения в честь киликийских пиратов. Как уже было указано выше, профессия работорговцев в это время уже стала до некоторой степени презируемой. Однако мы располагаем несколькими текстами критских посвящений на Делосе второй половины II в. до н. э.² В 116/5 г. на Делосе были выставлены две большие надписи о порядке арбитража между городами Лато, Олонтом и Кноссом

¹ С т р а б о н (XIV, 5, 10) говорит, что в суровой Киликии только к началу нашей эры было уничтожено многовластие «тиранов» и разбойнические шайки. А п л у т а р х тоже рассказывает о «килийских тиранах» (Mithr., 117).

² После 166 года различные полисы уже не посылают на Делос копии своих постановлений, как это было принято раньше; критяне являются в этом отношении единственным исключением

(Choix, 111), немного позднее здесь же было объявлено постановление космов и города Кносса в честь «писателя» (γραμματικός) Диоскурида из Тарса (Choix, 112); несколько раньше на Делосе было выставлено посвящение критских наемников Птолемея VI Филометра в честь Аглая из Коса (Choix, 92). Ясно, что эта привязанность критян к Делосу диктовалась не столько религиозными узами, сколько той ролью, которую играл делосский рынок для критских пиратов.

Многочисленные надписи восточных торговцев, списки делосских эфевов и другие тексты¹ свидетельствуют об экономических связях Делоса с Малой Азией, Сирией и Понтом — основными поставщиками рабов в Италию. Деятельность работорговцев дополняла грабежи и похищения пиратов. Весьма показательна в этом отношении надпись, представляющая собой посвящение «эмпоров и навклеров, плывущих в Вифинию», в честь некоего Мелеагра, сына Эмертомара, никейца (Choix, 103). Надпись датируется второй половиной II в., т. е. именно тем временем, когда римские публиканы обращали в рабов чуть ли не поголовно все население Вифинии (D i o d., XXXVI, 3). Посвящение выносится от имени целой группы, возможно даже объединения торговцев и судовладельцев, постоянно крейсирующих между Делосом и Вифинией. Основным, а возможно и единственным, объектом вифинского вывоза в Италию были, несомненно, рабы, продаваемые римским работорговцам на Делосе.

Из многих западноевропейских ученых, занимавшихся историей Делоса, один только Фергюсон в некоторой степени исследовал работорговлю Делоса. Нам кажется вполне вероятным его предположение, что крупные афинские государственные деятели конца II — начала I вв.: Медей, сын Медея из Пирея, Сарацион, сын Сарациона из Мелиссы, и Теодот, сын Диодора из Суния, которые в свое время занимали крупнейшие административные посты на Делосе, были работорговцами². Некоторую роль играло и то обстоятельство, что число рабов, непосредственно занятых в производстве на Делосе, повидимому, значительно увеличилось в период процветания острова. На Делосе в это время идет большое жилищное строительство, возникают целые новые кварталы города, производятся крупные работы по реконструкции порта³, воздвигаются храмы и другие здания общественного пользования. Вся эта стройка, понятно, не обходилась без широкого применения труда рабов. Все же число рабов, постоянно занятых на Делосе, вряд ли могло быть весьма велико. Основное значение местного рынка состояло в том, что это был транзитный пункт на пути в Италию.

О наличии большого числа и о тяжелом положении рабов, временно или постоянно пребывающих на Делосе, свидетельствуют дошедшие до нас сообщения Диодора Сицилийского (XXXIV, 2) и в основном повторяющего его рассказ Орозия (V, 8, 4—5) о восстании делосских рабов одновременно с массовым сицилийским восстанием рабов, движением Аристоника, восстанием тысячи рабов Лаврийских рудников в Аттике и в других местах. Восстание на Делосе показывает также, сколь тесны были связи между рабами Восточного Средиземноморья.

Восстание на Делосе, по словам Диодора, было скоро подавлено «быстрой действительностью и суровостью наказаний» (τάχρη τῶν βοηθειῶν καὶ τῇ σφοδρῶ ἰσχύϊ). В действительности, повидимому, восстание не прошло так

¹ См. указанную статью Н. Н. Залесского.

² «Klio», IV, стр. 12; W. Ferguson, Hellenistic Athens, 1911, стр. 425—6.

³ Афинский эпимелет 126/5 г. на Делосе Теофраст построил новый рынок на Делосе, за что был почтен надписью афинских клерухов, италикков и других торговцев (Choix, 95).

быстротечно, как об этом говорит Диодор. Он указал число восставших рабов в Аттике — свыше тысячи; на Делосе, повидимому, восставших было меньше, чем в Аттике, но все же несколько сот человек, что представляло немалую цифру для крохотного острова. Характерно уже хотя бы то, что резонанс делосского восстания дошел до Посидония, основного источника Диодора. Сил одних афинских клерухов оказалось недостаточно, и на помощь им были привлечены и италики, жители Делоса. В это время возникает засвидетельствованная многочисленными текстами новая форма посвячительных надписей, редактируемых уже не от имени афинских клерухов, а от имени «афинян, италиков и других торговцев, проживающих и временно пребывающих на Делосе».

Последующие полвека были временем усиленной эксплуатации Востока римскими публиканами и всадниками, когда материальные богатства и людские резервы эллинистических стран непрерывным потоком шли в Рим. Делос стал в этот период символом ненавистного римского ига, и недаром войска Митридата, а затем и пираты, не оставили камня на камне от богатейшего торгового центра Восточного Средиземноморья.

Оборотной стороной расцвета Делоса была нищета и рабство, которые несли с собой римляне для покоренных народов. Ненависть масс против римского господства нашла свое яркое выражение в кровавой расправе, которую учинили войска Митридата и затем пираты на Делосе.

Остров Аполлона, расцвет которого целиком опирался на работорговлю и на контакт с пиратами, сам пал жертвой пиратов. По сообщению Флегонта из Тралл в 69 г. до н. э.: «Пират Афинодор, продав делосцев в рабство (ἔξαυδραποδισάμενος Δηλίους), осквернил статуи богов» (FHG, III, 605). Возмездием работорговцам оказалось превращение их в рабов.

Процветание делосской торговли, вызванное исключительно неповторимым стечением благоприятных обстоятельств в конце II — начале I в. до н. э., ярко показывает, сколь тесно античная торговля была связана с «насилованным грабежом, морским разбоем и продажей рабов».

